

Научная статья

УДК 82-94

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-112-123

Как рождалась поэтическая историософия зрелого Бунина. Работы Гастона Масперо на страницах «Зодиакального света» и не только

Кирилл Владиславович Анисимов

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева
Красноярск, Россия

kianisimov2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6543-397X>

Аннотация

Атрибутируются цитаты Бунина из книги Г. Масперо «Древняя история народов Востока», сделанные отечественным писателем неотъемлемым слагаемым историософии и поэтики его «путевых поэм» «Храм Солнца». На материале очерка «Зодиакальный свет» рассмотрены основные изменения текста, воздействующие на преобразование фактографических сведений французского египтолога в историософию русского прозаика и поэта. Установлено значение «египетских» мотивов, однажды использованных в травелоге и затем многократно отразившихся в художественной структуре «русских» рассказов Бунина. Наряду с демонстрацией динамики самого текста травелога сделан ряд выводов, относящихся к особенностям бунинской интертекстуальности. Последняя, как показано в статье, заключается в подчинении «чужого слова» эстетическим целям автора.

Ключевые слова

Г. К. Масперо, И. А. Бунин, травелог, «Храм Солнца», текстология, комментарий, интертекстуальность.

Для цитирования

Анисимов К. В. Как рождалась поэтическая историософия зрелого Бунина. Работы Гастона Масперо на страницах «Зодиакального света» и не только // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 112–123. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-112-123

How the Historiosophy of Bunin's Mature Works Was Shaped. Researches by Gaston Maspero in *Zodiacal Light* and Some Others Oeuvres

Kirill V. Anisimov

Viktor Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University
Krasnoyarsk, Russian Federation

kianisimov2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6543-397X>

Abstract

Purpose. Regarding Bunin's texts' principal dynamism and the writer's resistance to the very idea of almost each of his works' completeness, the author of the article attributes quotations from Maspero's *Ancient History of the Peoples of Orient* revealing their alterations from early redactions of Bunin's *The Temple of the Sun* to later ones. It is demonstrated how dramatic was the impact of these citations once used in order to form Bunin's view on Egypt on "non-Egyptian" prosaic works of the 1910s.

© Анисимов К. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 112–123

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 112–123

Results. The first result reached in the course of the analysis is the accurate attribution of obscure fragments as in fact borrowed from Maspero. Secondly, it was shown how Bunin treats his precursor's text – creating his own associations, reducing and tightening initial passages. Thirdly, the paper demonstrates how descriptions and notions derived from the book of French historian have been transformed in their very nature: diverse facts and notions have become an integral poetic imagination inspired by scenes of decline of the Ancient World. And finally, the article investigates some traces of Bunin's "Egyptian text" in his mature prose works – exemplifying short stories *The Chalise of Life* and *The Dust* as most representative ones.

Conclusion. The author concludes that Bunin's intertextual poetics was specific in many respects. As it became clear in examples provided in the article, the text borrowed from another writer and "alienated" with inverted commas in fact, in its essence, was completely subordinated by Bunin to his general artistic strategy losing even slight tint of Bakhtinian "someone else's word".

Keywords

G. C. Maspero, I. A. Bunin, travelogue *The Temple of the Sun*, textology, commentary, intertextuality

For citation

Anisimov K. V. How the Historiosophy of Bunin's Mature Works Was Shaped. Researches by Gaston Maspero in *Zodiacal Light* and Some Other Oeuvres. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 112–123. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-112-123

Введение

Ключевая проблема бунинской поэтики – принципиальный отказ автора от самой идеи законченности текста, постоянное стремление переделать (подчас кардинально, до неузнаваемости) имеющийся на момент очередного редактирования «последний» вариант уже изданного сочинения. Вследствие этого в творчестве писателя наблюдается острый конфликт, с одной стороны, между произведением как завершенной целостностью и, с другой стороны, его текстовой «фактурой», сначала исходной, появившейся в окружении определенных историко-культурных обстоятельств, а затем, спустя годы, внедряемой в новый контекст при внесении очередных правок. Нестабильность текста деформирует эстетическую природу и смысл произведения. Подробно об этой тенденции говорится в недавних работах Е. Р. Пономарева, посвященных как наследию «последнего классика» в целом [Пономарев, 2019], так и – конкретно – знаменитому циклу «путевых поэм» «Храм Солнца» / «Тень Птицы», даже заглавие которых в истории изданий вариативно [Пономарев, 2021].

Отдельная тема – пронизанность бунинского текста «чужим словом», динамизация нарратива со стороны интертекста. Последний, что хорошо заметно по привлеченному нами материалу, не распадается на автономные единицы в «чуждом» ему словесном окружении, играя роль информационных добавок к сообщаемым сведениям (как часто бывает в травелогах), но одновременно и не растворяется в обрамляющем тексте до состояния едва различимой аллюзии. Автор «Храма Солнца» поступает иначе: цитаты им всегда отмечены кавычками, источник – умолчан. Так «чуждое слово» инкорпорируется в «свое», подчиняясь какой-то общей функции, «установке», притом что легкий «кивок» на инородность заимствованного фрагмента автор делает. Особую значимость подобные операции со скрытым от читателя источником приобретают в разделах, посвященных историософской проблематике, каковая у Бунина всегда одна и та же, – упадок и гибель цивилизаций.

Дальнейшая эволюция «путевых поэм» обнаружит уже известную нам закономерность: в поздних редакциях видим примерно лишь две трети исходных цитат, да и сам очерк «Зодиакальный свет» в том виде, в каком он предстал перед читателем в первопубликации 1908 г. и в Марксовом собрании сочинений 1915 г., не сохранится – в собрании издательства «Петрополис» 1936 г. начальный текст даст жизнь двум очеркам – «Дельте» и «Свету Зодиака».

Однако достигнутый Буниным еще в конце 1900-х гг. результат – преобразование исторического нарратива в поэтическую историософию – останется, хотя следы самой работы по перекодировке одного в другое будут скрыты. Ближайшей задачей в этом смысле видится обращение именно к начальным редакциям очерка, центральная тема которого и вместе с тем одна из главных в составе всего цикла – Древний Египет. Другая задача – показать влияние

опробованных в травелоге частных решений на более позднюю прозу Бунина, сюжетно уже никак с Египтом не связанную. Именно так исследователю откроется *историософия* автора, главное отличие которой от *историографической* конкретики – в общеприменимости, универсальности.

Источники

Письмо Бунина брату Юлию от 24 апреля 1895 г., на которое указал в своей статье М. С. Щавлинский [2021], свидетельствует о том, что труды французского египтолога Гастона Масперо (1846–1916), чье имя названо в этом послании, были одним из истоков бунинского интереса к Востоку¹. Получается, что в «ориентальном» слагаемом творчества движение от «раннего» к «зрелому» периоду проходило не в последнюю очередь под воздействием книг французского историка.

Знаковый статус государства фараонов, а также посвященных ему книг был в глазах Бунина очень высок. На страну пирамид русский писатель смотрит как на символ всех погибших культур, корень главных цивилизаций и религий Средиземноморья и Ближнего Востока, включая и христианский мир. «Он (Египет. – К. А.) был наставником всего древнего мира: это на основах его культуры, его религии выросли Ассирия, Финикия, Иудея, Греция – и христианство» (Бунин, 1915, т. 4, с. 151)². Неудивительно, что «Зодиакальный свет» и освещающий прибытие в Александрию очерк «Море богов» Бунин создает одними из первых – сразу после задавшего всю тему и несколько дистанцированного от остального цикла рассказа «Тень Птицы», который посвящен Стамбулу, расположенному на границе Европы и Азии и потому экстерриториальному относительно Ближнего Востока [Летопись..., т. 1, с. 712]. В ходе исследования очерка «Зодиакальный свет», третьего раздела путевых поэм «Храм Солнца», датированного 1907-м годом, а впервые опубликованного в 1908-м, нам удалось обнаружить и атрибутировать обширные цитаты из работы Масперо «Древняя история народов Востока», первый том которой вышел в Париже в 1875 г. и был переведен и издан в России 20 лет спустя (Масперо, 1895)³.

Текстология здесь естественным образом обуславливает поэтику. С. Н. Бройтманом и Д. М. Магомедовой подмечена связь сюжетной прозы художника конца 1900-х гг. с его восточным травелогом: первая создается словно «на фоне» второго, а элегический мотив зауступения оказывается в равной степени как национально укорененным, так и соотношенным с ритмами мировой истории [Бройтман, Магомедова, 2001, с. 554]. В частности, Египет показан в этой перспективе как территория вечного, онтологического конфликта водной, животворящей природной силы с наступающими песками, натиск которых постоянно уменьшает энергию жизни. В терминах египетской мифологии, многообразно включенной писателем в ранний текст его очерка, бог

...Ра удалился от людей, забывших его ради жрецов и фараонов, на небо. Озирис, его ипостась, был растерзан своим братом – Сетом, богом зла и пустыни. Гору, сыну Озириса, пришлось стать, в образе Сфинкса, на бесконечную борьбу с Сетом. Но победителем остался все же Сет... (т. 4, с. 149)⁴.

Как часто бывает у Бунина, ранняя редакция более прозрачна для наблюдения за внутренней «механикой» производства смысла. Так, в первопубликации намеченная тема продолже-

¹ По свидетельству жены, Бунин вспоминал Масперо и непосредственно в ходе путешествия 1907 г. [Двинятина, Морозов, 2022, с. 88]. Очередное обращение к французскому автору последует в августе 1917 г. [Летопись..., т. 2, с. 866]. О востребованности работ Масперо в кругу русских литераторов, увлекавшихся Египтом, см.: [Панова, 2006, кн. 2, с. 382 (указатель)].

² Далее ссылки на собрание сочинений 1915 г. приводятся с указанием в скобках тома и страницы.

³ Далее ссылки приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.

⁴ Поэтическими «эпиграфами» к конфликту выступают стихотворения «Египет» (1905 или 1907) и «Александр в Египте» (1907), которые в издании «Храма Солнца» 1917 г. предпосланы (вместе с рядом иных, очевидно концептуально «нагруженных» стихотворений) основному тексту «путевых поэм». См.: (Бунин, 1917, с. 9–21).

на комментарием, представляющим собой сетование о потерянном рае, но уже в Марксовом собрании это пояснение удалено. Ср.:

**И. А. Бунин. «Зодиакальный свет»,
1908**

– Да (здесь и далее подчеркнуто нами. – К. А.), солнце безжалостно на пути к Мемфису! – думал я, закрывая глаза и прислоняюсь к стене вагона, – и этим объясняется многое, многое... может быть, и потеря эдема на победном пути вверх по Нилу. Пламенный бог родит лишь пески, если рядом с ним не царит его «вторая жизнь» – бог-море (Бунин, 1908, с. 18).

**И. А. Бунин. «Зодиакальный свет»,
1915**

Солнце безжалостно на пути к Мемфису. Пламенный бог родит лишь пески, если рядом с ним не царит его «вторая жизнь» – бог-море (т. 4, с. 150).

«Вверх по Нилу» то есть в сторону пустыни. Одна из главных линий, соединяющих «египетскую» мифопоэтику с модернистскими воззрениями на исторический процесс, – жара, песок, пыль, иссушение. В литературоведении специального внимания удостоился психологический аспект лейтмотива: недавно Б. Лённквист [2013] анализировала коллизию водного и обжигающе-солнечного начал на примере знаменитого рассказа «Солнечный удар», весьма вероятно, обязанного этими мотивами всё тому же опыту Бунина-путешественника. А венцом раскрытия темы, как несложно догадаться, станет в начале 1910-х гг. повесть «Суходол». Не будем, однако, забегать вперед и сначала покажем, как в 1907 г. писатель работает со своим переводным французским источником, насколько энергично интересующие нас мотивы начинают насыщать сочинения художника, находящегося «на меже» между ранним и зрелым творчеством.

**Результаты исследования
«Зодиакальный свет» Бунина
и «Древняя история народов Востока» Масперо**

Начнем с эпизодических, а иногда и малоконцептуальных переключек. К числу последних относится, скажем, следующая:

**И. А. Бунин. «Зодиакальный свет»,
1915**

Ах, как пышно-прекрасны были земные воплощения бога Нила, эти мощные траурные быки – черные, с белым ястребом на спине, с белым треугольником на лбу, с блестящими черно-лиловыми глазами! (т. 4, с. 155)

**Г. К. Масперо «Древняя история
народов Востока»**

Апис долженствовал быть черного цвета, с белым треугольным пятном на лбу, иметь на спине изображение коршуна или орла с распростертыми крыльями... (с. 29)

Здесь работа предшественника очевидно использована как фактографическая опора. Однако встречаются и более сложные случаи «вплетения» известий Масперо в текст «Зодиакального света». Так, чуть выше первого примера русский писатель дает весьма темные сведения о ступенчатой пирамиде – скорее всего, усыпальнице фараона Джосера. Говорится об этом так:

...А в сухо-туманной пустыне рисуются фиолетовые конусы самых старых пирамид, – пирамид Дашура и Саккара, – и среди них – ступенчатая пирамида Аписов: Ко-Комех – «пирамида черного быка». Внутри она уже разрушается, а снаружи полузасыпана песками (т. 4, с. 155).

С помощью книги Масперо эту информацию можно прояснить. В рассказе о царях из первых трех династий французский ученый поминает фараона Уэнефеса, который «воздвиг пирамиды Ко-коме, близ теперешнего городка Саккары» (с. 43). Пока здесь ничего не говорится о «черном быке», однако далее исследователь указывает на известную особенность наших знаний о древнейших правителях Египта: в темной глубине времен их исторические имена заслонены названиями божественных зверей. Ссылаясь на эллинистического историка Манефона, Масперо отмечает, что приход второй династии ознаменовался провозглашением «богами» нескольких

священных животных: Аписа Мемфисского, Мневиса Гелиополисского и козла Мендесского; имя его, означающее «самец самцов» или «бык быков», представляет, вероятно, намек на господствовавшие в его время символические идеи, блистательным выражением которых явилось вышеупомянутое обоготворение священных животных (с. 44).

И хотя Джосер, строитель своей ступенчатой пирамиды, был фараоном не второй, а третьей династии, этим аргументом с учетом специфики бунинской обработки первоисточников необходимо пренебречь, ибо в данном случае существенно важнее, что у Масперо пирамида «Ко-Коме», «Апис Мемфисский» и «бык быков» соседствуют на одной странице, что (при допущении, впрочем, влияния и со стороны какого-то иного, неизвестного нам источника) дает русскому автору возможность создать образ «Ко-Комех», «пирамиды Аписов». Следующие заимствования, во-первых, надежнее атрибутируются, а во-вторых, наделены гораздо большим программным смыслом.

Рассуждая о постепенном упадке древнеегипетского народа, Бунин задействует такой неожиданный оборот: «Жизнь его текла во тьме и рабстве, стала подобна “палке, изъеденной червями” <...> А был ли на земле народ более славный?» (т. 4, с. 151). Здесь перед нами прямая цитата.

Рассказывая в кн. 2, гл. 6 своего труда о временах фараона Рамсеса III, Масперо воспроизводит хранящийся в Британском музее Папирус Анастасия, в котором содержится горько-ироническое описание судьбы офицера египетской армии:

Почему думаешь ты, что пехотный офицер счастливее сcribe (писца. – *К. А.*)? <...> Хочешь, я опишу тебе участь пехотного офицера и всю силу его несчастий! Его уведут еще ребенком, чтобы запретить в казармах; – у него рана на животе, рана на глазу, шрам на обеих бровях; голова рассечена и покрыта гноем (с. 271).

«Это описание ран, бывших следствием трения каски и кирасы», – поясняет в примечании Масперо и продолжает цитировать свой источник, переходя к дальним походам: «Возвращается ли он, наконец, в Египет, – он похож на палку, изъеденную червями» (с. 272).

По Бунину, главный симптом упадка – покорение высокой цивилизации кочевниками. Вспомним восклицание повествователя в «Суходоле»: «Но податливы, слабы, “жидки на расправу”, были они, потомки степных кочевников!» (т. 5, с. 190). Для Масперо огромной по своему значению темой выступает завоевание Египта гиксосами в XVIII–XVI вв. до н. э. «Цари-пастухи» – вот устойчивая формула, рождающаяся под пером французского ученого для описания новых хозяев Египта. Она означает, что на смену божественному фараону, правителю оседлого населения, земледельцев, воинов и строителей пришел варвар, кочевник-скотовод.

Как будто туча саранчи налетела на Египет. Города и храмы были разрушены, разграблены, сожжены. Часть мужского населения была перебита; другая часть вместе с женщинами и детьми была взята в рабство. Мемфис был взят, вся Дельта покорена; варвары выбрали царем одного из своих начальников по имени Салати... (с. 160–161).

Словосочетание «цари-пастухи» начинает повторяться после того, как Масперо увязал гиксосов с ближневосточными племенами, подобными современным «бедуинам пусты-

ни» (с. 162). «Всё прежнее великолепиие двора фараонов окружило теперь царей-пастухов...» (с. 163); «...Новая цивилизация наполовину египетская, наполовину семитическая, развилась во время второй династии царей-пастухов...» (с. 163). Отсюда это понятие переходит и в «Зодиакальный свет»: «Черны были и палатки таинственных азиатских кочевников, “царей пастухов”, несметной ратью охватившие некогда Египет на целых пятьсот лет» (т. 4, с. 157)⁵.

Вернувшись, однако, в конце своего очерка к теме вечной красоты солнечного божества, Бунин решает непосредственно воспроизвести несколько образцов поэзии Древнего Египта. Берет он их, как нетрудно уже понять, – у Масперо.

**И. А. Бунин. «Зодиакальный свет»,
1915**

Свет утреннего солнца ослепительно блещет над розово-голубым морем пара, в котором тонут и острова, и вся долина Нила. «Привет тебе, Амон-Ра-Гормахис, сам себя производящий! Привет тебе священный ястреб со сверкающими крыльями, многоцветный феникс! Привет тебе, дитя, ежедневно рождающееся, старец, проплывающий в вечность!» (т. 4, с. 159).

«Ты идешь, лучезарный Амон-Ра-Гармахис! Твои гребцы гребут! Ты достигаешь зенита, по высшему приказу твоей матери Ну! Сердце твоих перевозчиков довольно, владыка небес! Боги и люди, испуская крики радости, падают ниц у престола Солнца! Ты – Священный Ястреб со сверкающими крыльями! Многоцветный феникс! Великий лев, существующий сам по себе и открывающий путь барки! Муж, все оплодотворяющий! Бык – ночью, начальник – днем! Царь неба, властитель земли! Тайна, образ которой неведом!» (т. 4, с. 162).

Финальная подборка цитат из сочинения французского египтолога задействована при описании Буниным-путешественником Большого сфинкса. Сперва, вернувшись к самому началу «Древней истории народов Востока», русский писатель уточняет местоположение скульптуры.

**Г. К. Масперо. «Древняя история
народов Востока»**

Приди, Ра, сам себя создающий! <...> О, благодетельный Ра-Гармахис <...> Священный ястреб со сверкающими крыльями; многоцветный феникс. <...> Дитя, ежедневно рождающееся! Старец, заключенный в пределах времени! Старец, пробегающий вечность! (с. 281–282; 283).

«Ты просыпаешься, благодетельный Амон-Ра-Гармахис! Ты просыпаешься, справедливый Амон-Ра, владыка обоих горизонтов! О благодетельный, лучезарный, пламенеющий! Твои гребцы Ахиму-Урду гребут! <...> ...Ты достигаешь высшей точки своего благодетельного пути, управляя своей баркой, в которой совершаешь ежедневно переезд по высшему приказанию твоей матери Нуит! <...>».

«О благодетельный Ра-Гармахис! Ты, муж, оплодотворяешь всех. Бык – ночью, начальник – днем...» (с. 280; 283).

⁵ В первопубликации 1908 г. Бунин вновь более конкретен: вполне поэтически именованные «цари пастухи» здесь также названы своим принятым в науке именем. «Черны были и палатки таинственных азиатских кочевников, “царей пастухов”, гиксов, несметной ратью...» и т. д. (Бунин, 1908, с. 27). Изгнание «науки» и подмена ее «поэзией» – вообще, по-видимому, одно из основных направлений бунинской правки. Ср. в первопубликации: «Пустой огромный саркофаг стоит и в Великой Пирамиде. Кто тот, что покоился в ней? Наука сказала – Хуфу» (Бунин, 1908, с. 28). И в Марковом собрании: «Пустой огромный саркофаг стоит и в Великой Пирамиде. Кто тот, что покоился в ней? Хуфу?» (т. 4, с. 158). Наука констатирует, поэзия вопрошает.

**И. А. Бунин. «Зодиакальный свет»,
1915**

«Гор живой, царь Египта Хуфу, нашел храм Изиды, покровительницы пирамиды, рядом с храмом Сфинкса, к северо-западу от храма Озириса, господина гробницы, и построил себе пирамиду рядом с храмом этой богини... Место Сфинкса – к югу от храма Изиды, покровительницы пирамиды, и к северу от храма Озириса» (т. 4, с. 162).

Г. К. Масперо. «Древняя история народов Востока»

«Гор, живой (тот, который сокрушает своих врагов?), царь Египта Хуфу, животворящий, нашел храм Изиды, покровительницы пирамиды, рядом с храмом Сфинкса, к северо-западу от храма Озириса, господина гробницы, он построил себе пирамиду рядом с храмом этой богини, а также и пирамиду своей царственной дочери, Гонтсен, близ этого храма» (с. 63).

Фрагмент о ней оканчивается снова гимническим восклицанием, у Масперо адресованным, как и прежние, солнечному богу Ра:

**И. А. Бунин. «Зодиакальный свет»,
1915**

«Честь тебе, старец, многоликий владыка, испускающий лучи, разгоняющие мрак!» (т. 4, с. 163)

Г. К. Масперо. «Древняя история народов Востока»

«Честь тебе, старец, объявляющийся в свой час, многоликий владыко Уреус, испускающий лучи, которые рассеивают мрак!» (с. 281)

Примечательно, что в первопубликации этот фрагмент представлял собой стяжение двух пассажей из Масперо, разделенных у французского автора примерно полустраницей: поначалу бунинская цитата была подробнее, но и произвольнее:

**И. А. Бунин. «Зодиакальный свет»,
1908**

«Честь тебе, старец, многоликий владыка Уреус, испускающий лучи, разгоняющие мрак! Ты утоляешь страданье Озириса. Ты даешь дыханье всем, пребывающим в долине мертвых!» (Бунин, 1908, с. 35)

Г. К. Масперо. «Древняя история народов Востока»

«Честь тебе, старец, объявляющийся в свой час, многоликий владыка Уреус, испускающий лучи, которые рассеивают мрак!». <...> Потому что тобою сделан бич, который наносит смертельные удары, и ты утоляешь страдание Озириса; ты даешь дыхание всем находящимся в долине мертвых» (с. 281–282).

Первое, что можно сказать о приведенных совпадениях: разворачивая перед читателем свой собственный текст, Бунин в целом стремится синхронизировать эпизоды, соотносящиеся с работой Масперо, как будто книга-источник последовательно читалась русским автором одновременно с написанием очерка. Схождений, построенных «крест-накрест», когда, скажем, концу бунинского текста соответствует начало книги египтолога (или же наоборот), относительно немного. Второе: создатель «путевых поэм» довольно свободно, а иногда, как это мы видели на примере пирамид Ко-Комех, на основе ассоциаций обращается с привлеченными данными или цитатами из гимнов, которые вдобавок могут стягиваться в какое-то

свое, новое высказывание – поэтическое стремление к достижению единого смысла преобладает над потенциальными экспериментами с «чужим словом».

Второе обстоятельство подводит нас к кардинальному отличию литературной *историософии* Бунина от на нынешний взгляд довольно ранней, т. е. сложно расстающейся с повествовательной традицией, но при этом всё же вполне академичной *историографии* французского исследователя.

То, что могло привлечь Бунина в труде Масперо, сформулировано последним буквально на первой странице «Древней истории...». Речь идет о противопоставлении Нила остальному, преимущественно безжизненно-песчаному ландшафту страны. Обширно цитируя Геродота, ученый пишет: «Нужно видеть Египет в период наибольшего спадания вод, за месяц до начала лета, чтобы представить себе, во что обратился бы этот оазис, если бы он случайно лишился своей реки-кормилицы» (с. 1). В это время

Берега его (Нила. – К. А.), то плоские, то крутые, состоят из массы черной грязи, выжженной солнцем, за ними – ничего, кроме песков и бесплодия, так как хамсин (ветер, несущий песок и продолжающийся 40 дней) только что перестал дуть. Кое-где сквозь пыльную, ослепляющую, раскаленную атмосферу виднеются стволы и ветви деревьев; листья же покрыты таким слоем пыли, что издали их нельзя отличить от песков окружающей пустыни. Только путем усиленной и трудной поливки в садах паши удастся поддерживать ничто, напоминающее зеленую растительность. Наконец, появляется первый предвестник окончания этого ужасного времени года – с севера начинает дуть сильный ветер, продолжающий потом с яростью бушевать изо дня в день. Благодаря ему вся листва Нижнего Египта освобождается от пыли и снова зеленеет (с. 2).

Едва ли Масперо стремился придать своему исходному тезису – в духе художественной словесности – какое-то дополнительное значение, однако, случайно или нет, бунинский первообраз Египта почти неотличим от того, что предложил французский автор, причем все последующие характеристики, сообщенные русским писателем этому начальному мотиву, становятся его расширительным толкованием.

Впервые на египетскую землю Бунин с В. Н. Муромцевой вступили именно «за месяц до начала лета» – 20 апреля (3 мая) [Двинятина, Морозов, 2022, с. 70]. Впечатления о прибытии в Александрию отразились в конце предшествующего «Зодиакальному свету» очерка «Море богов» – и здесь же, как бы в предчувствии более подробного знакомства с Египтом, встречаем первую цитату из Масперо:

**И. А. Бунин. «Море богов»,
1915**

«Ты – путь, соединяющий небо с землей», – сказали Нилу гимны. Не таковы ли и все пути в чужие земли? (т. 4, с. 144)

**Г. К. Масперо. «Древняя история
народов Востока»**

«Привет тебе, о Нил, проявляющий себя на этой земле! <...> Ты повсеместно поишь землю, ты путь, соединяющий небо с землей!» (с. 10)

Бунинский Египет – в точном соответствии с зачином книги историка – предстает царством жары и песка. «Зодиакальный свет» открывается фразой повествователя: «Выехав за таможню, я невольно склонил голову: солнце стояло как раз над головою. Обгоняя нас и поднимая горячую пыль, покатила коляска с нарядными левантинцами...» (т. 4, с. 146). Каир в художественном пространстве очерка показан исполненным живительной влаги оазисом, который «обступают» «мертвые моря песков» (т. 4, с. 157). В самом же городе, напротив, «к вечеру улицы полить»; «нежно и свежо пахнет цветами, тепло и пряно – влажной пылью и нагретыми за день мостовыми» (т. 4, с. 153). Финал отдельного «каирского сюжета», однако, безрадостен: «Зодиакальный свет» оканчивается победой бога Сета – картиной неминуемого торжества пустыни. «А Каир встретил меня закрытыми ставнями, сохнувшими от зноя деревьями, белыми пустыми улицами. Небо было тускло, дул жгучий пыльный ветер... То был вестник Сета, бога первобытного пламени» (т. 4, с. 165).

Горячий ветер в этих образных структурах весьма важен: с ним ассоциировано вторжение иноплеменников, причем в узел ассоциаций здесь увязаны и гиксосы начала второго тысячелетия до н. э., и персы Камбиза, покорившего Египет в 525 г. до н. э., и черный цвет, «окрасивший» согласно «смещенной» логике синестезии всех участников этого развернутого уподобления, включая и сам ветер («черны были и палатки <...> “царей пастухов”»); «Камбиз <...> “семусином” – черно-пламенным ураганом прошел <...> по Египту» (т. 4, с. 157)), который, с одной стороны, заставляет вспомнить «хамсин» из книги Масперо, а с другой – своей «чернотой» предвосхищает последний пассаж очерка, где о победе Сета сказано цитатой из пока неизвестного нам источника: «И дышал он над страной могил от первородных чад ее, с таинственного и грозного юга, – оттуда, “где бог в своем лучезарном течении покрывает кожу людей мрачным блеском сажи, и иссушая, курчавит их волосы”» (т. 4, с. 165).

Концентрически, центростремительно все доступные восприятию Бунина признаки пустынного ландшафта (песок, пыль, ветер, жара, чернота), включая и личный опыт прибытия в Египет в самое суровое для этих мест время года, соединены в одну точку, в которой торжество Сета, покорение цивилизации чуждой враждебной силой. Излишне говорить, насколько эта *поэтическая* картина не совпадала с концепцией французского историка. По Бунину выходило так, что упадок Египта был неизменным, безальтернативно-окончательным спуском, постепенно ускоряющимся к точке перелома, за которой только безысходная гибель.

У Масперо всё иначе: читатель его труда знакомится с целой чередой «упадков» и новых возвышений древней страны. За катастрофой вторжения гиксосов следует история их изгнания, после описания печальных последствий «ига» читатель знакомится с блистательной эпохой Рамсеса II, новое крушение империи сменяется восстановлением при Рамсесе III. При всем том, что Масперо, как и Бунин, придерживается распространенного в XIX в. представления об исторических «возрастах», созданная в его огромной книге общая картина постепенного «запустения» по большей части историографична и в этом смысле не «литературна».

«Египетские» образы в прозе Бунина 1910-х годов

Превращение истории в метафору – особенность художественного мышления. С этой точки зрения отдельной задачей видится поиск аналогичных мотивике «Зодиакального света» мотивных решений в том разделе бунинского творчества, который в жанровом отношении далеко отстоит от «путевых поэм».

Отметим сразу, что отыскать в ранней прозе писателя знакомые нам мотивы иссушения почти невозможно. Но вот к более поздним рассказам 1913 г. «Чаша жизни» и «Пыль» стоит присмотреться внимательнее. Несомненно, что на закрепление в бунинской поэтике «ориентального» языка «пустынных» образов повлияло второе восточное путешествие, предпринятое в конце 1910 – 1911 г. по маршруту, часть которого снова проходила по территории Египта, где писатель с супругой провели более месяца [Летопись..., т. 2, с. 77–87].

Так, центр всех событий в «Чаше жизни», улица, названная *Песчаной*, приобретает благодаря своему имени особый смысл именно в очерченном здесь контексте. На ней стоят дома двух главных героев – о. Кира и Селихова. Вдоль нее «...вскачь неслись с вокзала и на вокзал извозчики. Они тучей поднимали рыжую пыль, которая покрывала все крыши, все стены и окна на Песчаной улице» (т. 6, с. 172). Такие описания имеют в бунинской поэтике свою ретроспективу, правила которой превращают вымышленный писателем Стрелецк (объединенным прототипом для него выступили Елец и Ефремов) в уменьшенную версию Каира, стоящего на границе бесконечной пустыни. Последняя, кстати, отразилась в зарисовке дома селиховского визави о. Кира:

Дом его, длинный и невысокий, по кирпичу беленый мелом, был далеко виден по широкой улице. Нигде не росло ни единого деревца – разве какая-нибудь кривая яблонька на мещанском пустыре. Но за железной крышей протоиерейского дома пыльно и бледно зеленели верхушки молодых тополей (т. 6, с. 173–174).

Даже русская зима, невозможная в Египте, ничего в Стрелецке не меняет: окрашенная в светло-серые тона пустыня сохраняется и в холоде. «Зимой на Песчаной улице было много снега, было серо и пустынно... <...> Летом было очень жарко. От пыли небо и солнце тускло серебрились» (т. 6, с. 174).

На страницах «Чаши жизни», впрочем, отсутствуют специальные, выдержанные в ориенталистском ключе, ремарки повествователя: свой ближневосточный опыт автор старался не обнаруживать. Иное дело – рассказ «Пыль», завершающий отдел прозы Марковского собрания сочинений и в этом отношении расположенный на момент 1915 г. в знаковой позиции рубежа творчества.

Здесь известные нам образы сразу даны в ретроспективе травелога, а имя героя отсылает к повести «Суходол»: «Пыльное солнце пекло ухабистую площадь. Несколько запыленных извозчиков стояло вдали. Серый от пыли вагон трамвая долго поджидал кого-то. И Хрущев вспомнил Восток, Турцию...» (т. 6, с. 277). Покрытые пылью деревья такие же, как в «Чаше жизни», а кроме того, – в Египте, каким его увидел еще Геродот, а затем воспроизвел Масперо: «Высокие запыленные тополя шумели от знойного ветра возле большого белого вокзала» (т. 6, с. 277). К травелогу отсылает и фабула – хождение героя по городу, известному с юности, но ставшему вдруг незнакомым, попытка открыть его для себя заново и провал изначального плана найти нужный дом.

Не касаясь острого политического подтекста рассказа⁶, отметим лишь особенности художественного языка, в котором обращает на себя внимание приспособление давно опробованных травелоговых формул, глубоко укорененных в природоописательном дискурсе, обращенном к Ближнему Востоку. Весьма аллегорична сцена поездки на трамвае, окончившейся там, где «рыжие рельсы упирались в песок... Тишина и жаркий ослепительный свет» (т. 6, с. 279). Ср. в «Зодиакальном свете»: «Всё блестит, как атлас, отделяясь на западе от шелковистой лазури. Всюду гробовая тишина и бездна пламенного света» (т. 4, с. 162).

Затем дезавуируется и идея пешего похода: «И вдруг вся эта затея – шататься в жару, ломать ноги по песку и камням <...> – показалась Хрущеву глупой и бесцельной» (т. 6, с. 279). Наконец по адресу безымянного городка звучит строгий приговор – причем словами, которыми повествователь мог бы вынести его Гелиополю, а не очередному уездному Ефремову или Ельцу: «...И мысли его опять возвратились к молодости, к началу его бездомной жизни, к этому большому мертвому городу, вечно заносимому пылью, подобно оазисам среднеазиатских пустынь, подобно египетским каналам, засыпаемым песками...» (т. 6, с. 280). Вспомним здесь «белые пустыные улицы» Каира, а также улицу Песчаную, на которой «зимой» «было много снега, было серо и пустынно», т. е. она тоже была «пустой» и варьировала белый цвет.

Заключение

Безотносительно к реальным географическим ландшафтам Бунин использует в своей словесной живописи регулярные повторы, объединяющие не только две главные линии творчества – лирическую и нарративную, но также собственный авторский текст и его источник-донор, передающий свои фрагменты сначала травелогу, где они даются еще в кавычках (с отсылкой, впрочем, в никуда), а затем сочинениям, связь которых с «путевыми поэмами» можно восстановить, только проследив историю самих этих формул. Интертекст утрачивает свою даже относительную суверенность и делается слагаемым единой поэтической палитры.

⁶ См.: [Мальцев, 1994, с. 163].

Список литературы

- Бройтман С. Н., Магомедова Д. М.** Иван Бунин // Русская литература рубежа веков (1890 – начало 1920-х годов). М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. Кн. 1. С. 540–585.
- Двинятина Т. М., Морозов С. Н.** Палестинское путешествие И. А. Бунина 1907 года: хроника и контекст // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 64–94.
- Летопись жизни и творчества И. А. Бунина / Сост. С. Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1 (1870–1909). 944 с.; 2017. Т. 2 (1910–1919). 1184 с.
- Лённквист Б.** Паронимия как текстопорождающий принцип – *пыл / пыль* у Ивана Бунина. Анализ рассказа «Солнечный удар» // Лённквист Б. Кленовая Ветвь: статьи разных лет о русской литературе. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 100–107.
- Мальцев Ю. В.** Иван Бунин, 1870–1953. Франкфурт-на-Майне; Москва: Посев, 1994. 432 с.
- Панова Л. Г.** Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина: В 2 кн. М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. Кн. 2. 408 с.
- Пономарев Е. Р.** Преодолевший модернизм. Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. 340 с.
- Пономарев Е. Р.** «Храм Солнца» или «Тень Птицы»? Поэтика «путевых поэм» И. А. Бунина // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2021. № 69. С. 298–320.
- Щавлинский М. С.** «Храм Солнца» И. А. Бунина – неоконченный проект освоения Востока // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы – история творчества / Отв. ред.-сост. Т. М. Двинятина, С. Н. Морозов; ред. А. В. Бакунцев, Е. Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 934–952.

Список источников

- Бунин И. А.** Полн. собр. соч.: В 6 т. Пг.: Изд-во Т-ва А. Ф. Маркс, 1915.
- Бунин И. А.** Храм Солнца. Пг.: Книгоизд-во «Жизнь и знание», 1917. 174 с.
- Бунин И. А.** Зодиакальный свет // Слово. Лит.-худож. сборники / Под ред. Н. А. Крашенинникова. М.: б.и., 1908. Кн. 1. С. 13–39.
- Масперо Г.** Древняя история народов Востока. М.: Тип. М. Г. Волчанинова и бывш. Д. И. Иноземцева, 1895. 715 с.

References

- Broitman S. N., Magomedova D. M.** Ivan Bunin. In: Russkaya literatura rubezha vekov (1890 – nachalo 1920-kh godov) [Russian Literature of the Turn of the Century (1890 – early 1920s)]. Moscow, Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; “Heritage” Publ., 2001, vol. 1, pp. 540–585. (in Russ.)
- Dvinyatina T. M., Morozov S. N.** Palestinskoe puteshestvie I. A. Bunina 1907 goda: khronika i kontekst [I. A. Bunin’s 1907 Trip to Palestine: Chronology, Context]. *Literaturnyi fakt* [Literary Fact], 2022, no. 2 (24), pp. 64–94. (in Russ.)
- Lönnqvist B.** Paronimiya kak tekstoporozhdayushchii printsip – *pyl/pyl'* u Ivana Bunina. Analiz rasskaza “Solnechnyi udar” [Paronym as a Text-Shaping Factor – *pyl/pyl'* in Ivan Bunin’s Works. The Analysis of “The Sun Stroke”]. In: Lönnqvist B. Klenovaya Vetv': stat'i raznykh let o russkoi literature [Maple Branch: Articles of Different Years on Russian Literature]. Saint-Petersburg, European Univ. in Saint-Petersburg Press, 2013, pp.100–107. (in Russ.)
- Maltsev Yu. V.** Ivan Bunin, 1870–1953. Frankfurt am Main, Moscow, Posev Publ., 1994, 432 p. (in Russ.)

- Morozov S. N.** (comp.). *Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Bunina* [The Chronicle of Life and Works by I. A. Bunin]. Moscow, Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences Press., 2011, vol. 1, 944 p.; 2017, vol. 2, 1184 p. (in Russ.)
- Panova L. G.** *Russkii Egipet. Aleksandriiskaya poetika Mikhaila Kuzmina* [The Russian Egypt. Alexandrian Poetics of Mikhail Kuzmin]. In 2 vols. Moscow, Vodolei Publishers; Progress-Pleyada Publ., 2006, vol. 2, 408 p. (in Russ.)
- Ponomarev E. R.** *Preodolevshii modernizm. Tvorchestvo I. A. Bunina emigrantskogo perioda* [Overcoming the Modernism. Ivan Bunin's Works of Emigre Period] Moscow, Litfakt Publ., 2019, 340 p. (in Russ.)
- Ponomarev E. R.** "Khram Solntsa" ili "Ten' Ptitsy"? Poetika "putevykh poem" I. A. Bunina ["The Temple of the Sun" or "The Shadow of a Bird"? The Poetics of "Travel Poems" by I. A. Bunin]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya* [Tomsk State University Herald. Philology], 2021, no. 69, pp. 298–320. (in Russ.)
- Shchavlin'skiy M. S.** "Khram Solntsa" I. A. Bunina – neokonchennyi proekt osvoeniya Vostoka [I. A. Bunin's "The Temple of the Sun" – The Unfinished Project of Mastering the East]. In: Dvinyatina T. M., Morozov S. N., Bakuntsev A. V., Ponomarev E. R. (eds.). *I. A. Bunin i ego vremya: konteksty sud'by – istoriya tvorchestva* [I. A. Bunin and His Time: Context of Life – History of Work]. Moscow, Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences Press., 2021, pp. 934–952. (in Russ.)

List of Sources

- Bunin I. A.** Complete Works. In 6 vols. Petrograd, A. F. Marks Publ., 1915. (in Russ.)
- Bunin I. A.** *Khram Solntsa* [The Temple of the Sun]. Petrograd, Life & Knowledge Publ., 1917, 174 p. (in Russ.)
- Bunin I. A.** *Zodiakal'nyi svet* [Zodiacal Light]. In: Krasheninnikov N. A. (ed.). *Slovo. Lit.-khu-dozh. sborniki* [The Word. Literary-Artistic Miscellanies]. Moscow, 1908, vol. 1, pp. 13–39. (in Russ.)
- Maspero G.** *Drevnyaya istoriya narodov Vostoka* [Ancient History of the Peoples of Orient]. Moscow, M. G. Volchaninov & D. I. Inozemtsev Publ., 1895, 715 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Кирилл Владиславович Анисимов, доктор филологических наук, доцент
Scopus Author ID 57191621249
SPIN 7759-9334

Information about the Author

Kirill V. Anisimov, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor
Scopus Author ID 57191621249
SPIN 7759-9334

*Статья поступила в редколлегию 30.12.2023;
одобрена после рецензирования 22.02.24; принята к публикации 24.02.2024
The article was submitted on 30.12.2023;
approved after reviewing on 22.02.2024; accepted for publication on 24.02.2024*